

УДК 94
DOI 10.52452/19931778_2024_4_44

К ВОПРОСУ О ЧИСЛЕННОСТИ ОСМАНСКОЙ АРМИИ В 1450-е гг.

© 2024 г.

П.А. Рязанов

Волжский государственный университет водного транспорта, Н. Новгород

in-ventum@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.07.2024

Вопрос о размере османских войск в начале правления Мехмеда II не решен историками. Отсутствие надежных сведений и существенные расхождения между источниками приводят к тому, что численность османской армии определяется очень приблизительно. Успехи турецкого оружия укрепляли современников во мнении, что войско султана насчитывает сотни тысяч воинов. Показательно, что даже папа Пий II, заинтересованный в коллективном отпоре османам, говорил о пугающих цифрах в 200 и более тыс. чел. Чтобы убедить государей Европы поддержать крестовый поход, ему пришлось сделать акцент на качественном, а не количественном превосходстве объединенных христианских сил над турками. В настоящей работе мы постарались дать примерную оценку военного потенциала армии Мехмеда II в середине XV в. По мнению автора, наиболее близкую к действительности цифру привел кардинал Виссарион на Соборе в Мантуе 1459 г., определив размер вооруженных сил противника в 80 тыс. чел., а с учетом вспомогательных соединений – не более чем в 100 тыс.

Ключевые слова: падение Константинополя в 1453 г., военный потенциал османов, крестовый поход, Мехмед II, кардинал Виссарион, папа Пий II, Промонторио, Константин Михайлович из Островицы, капыкулу, янычары, сипахи, акынджи, азапы.

Свидетельства современников-христиан о численности армии Мехмеда II, захватившей в 1453 г. Константинополь, выглядели впечатляюще. Греческие историки Дука и Лаоник Халкокондил писали о 400 тыс.; Критовул – о 300 тыс., не считая находящихся в тылу; псевдо-Сфрандзи – о 258 тыс., Сфрандзи – о 200 тыс. Из доступных латинянам свидетельств Паоло Дотти сообщал о 400 тыс., Антонио Ивани – о 380 тыс., кардинал Исидор, Леонард Хиосский и Генрих Зомерн – о 300 тыс., Лауро Квирины и Адамо ди Мантальдо – о 240 тыс., Якопо Тетальди, Никколо делла Тучча и Никколо да Фолиньо – о 200 тыс., Барбаро – о 160 тыс. [1, р. XX, LXXXIII].

Николай Секундинос, посетивший Константинополь после его захвата, в речи к королю Альфонсу V Великодушному 25 января 1454 г. попытался оценить численность османских войск по родам – 80 тыс. провинциальных кавалеристов (сипахов) из Европы и Азии, сверх того ещё 40 тыс. всадников вспомогательных сил, личные войска султана из 12 тыс. пехотинцев и 9 тыс. всадников, а также 10 тыс. знатных воинов, стоящих при его дворе, – итого 151 тыс. чел. В случае серьезной войны султан мог увеличить армию до 300 тыс. Кроме того, на военно-морской службе у него состояло ещё 5 тыс. чел., не считая тех, кто занимался пиратством и призывался для усиления флота [2, с. 328–329; 3, р. 322–323].

Квирины в двух письмах к кардиналу Лодовико Тревизану (22 ноября 1458 г.) и папе Пию II (1 марта 1464 г.) проанализировал состав османских регулярных и иррегулярных вооруженных сил в азиатской и европейской частях империи с учетом военных контингентов союзников. Всего он насчитал 158250 чел. (81750 всадников и 76500 пехотинцев) [4, р. 218–221; 5, р. 163–259].

Эней Сильвий Пикколомини (с 1458 г. – римский папа Пий II) очень болезненно воспринял трагедию Константинополя и последовательно выступал за организацию коллективного отпора османам. Подготовка к крестовому походу, за который ратовал Пикколомини, подразумевала, среди прочего, анализ вооруженных сил Османской империи. Однако в его корреспонденции и речах мы часто встречаем те же грандиозные цифры, которыми исчисляли мощь турецкой армии. В письме Николаю Кузанскому от 21 июля 1453 г. он писал, что войско Мехмеда II, осадившее Константинополь, насчитывало более 200 тыс. чел. [2, с. 314; 6, р. 50]. В речи «*Quamvis omnibus*», произнесенной в Регенсбурге 16 мая 1454 г., Пикколомини говорил, что султан может привести свыше 200 тыс. воинов на войну (в другой её версии – 340 тыс.), а если к нему присоединятся татары, то еще больше [7, р. 48, 78]. В речи «*Constantinopolitana clades*», с которой он вы-

ступил на сейме во Франкфурте 15 октября 1454 г., он приводил ещё более устрашающие сведения об армии численностью от 200 до 300 тыс. воинов [7, р. 162]. Те же цифры он назвал в речи «In hoc florentissimo» на сейме в Винер-Нойштадте 25 февраля 1455 г. Осознавая, что немецкие князья могут усомниться в возможности противостоять подобной силе, Пикколомини отметил, что Германия одна в состоянии собрать 40 тыс. воинов, а вместе с Австрией, Моравией и Силезией и все 80 тыс. [7, р. 306].

Добившись папской тиары, Пикколомини постарался претворить в жизнь крестоносные замыслы. Очевидно, что он собирал информацию о количестве и качестве османских сил, но полученные данные не отличались точностью. На соборе в Мантуе в речи «Cum bellum hodie» 26 сентября 1459 г. Пий II сообщал: «Мы признаем, что военная мощь турок велика, но она гораздо меньше, чем о ней говорят, и ни в коей мере не сравнима с нашей. Даже если они приложат все силы, то не наберут более двухсот тысяч человек. Но каких человек? Невоинственных и безоружных, смесь из азиатов и греков. Из них сорок тысяч христиан, темных и несчастных душ, но при этом самых сильных воинов в турецком войске. Когда они увидят вас при оружии, то преследуемые яростью своих злодеяний, видя пред собой карающего Бога, не посмеют обнажить мечи. Остальная толпа не имеет никакой пользы, разве что её избиение утомит врагов» [8, р. 142–145].

Выступавший следом кардинал Виссарион Никейский привел ещё более скромные цифры: «Целое войско вражеское не превышает числом восьмидесяти тысяч воинов, а вооружение их частью легкое, частью вообще никакое. А если еще кто при них – такое случается, когда удастся им собрать войско побольше, так и тогда едва тысяч сто наберется, притом все пешие, нагие, невооруженные, без государственного жалования и без собственных каких-либо средств, иначе говоря, все люди, живущие грабежом и военной добычей, не обязанные соблюдать какой-либо порядок, не подвластные в конечном счете никакому закону; те, кто сам решает, бежать ли ему или стоять, и о чьей жизни и смерти нет дела и самому вожаку их» [9, с. 302, 313–314].

Как видим, современники существенно расходились в оценке «мобилизационных возможностей» османской армии и, как кажется, не имели ясного представления о её размере, не смотря на все военные приготовления. Определение численности турецкого войска в 1450-е гг. является сложной задачей. Более надежные официальные источники относятся к следующему столетию, но и основанные на них расче-

ты дают большой интервал значений. Ценную информацию о состоянии турецких вооруженных сил можно получить из подробного отчета генуэзского купца Якопо де Промонторио 1475 г. [10], а также записок бывшего янычара Константина Михайловича из Островицы, которые были написаны на рубеже XV–XVI вв., хотя содержащаяся в них информация относится к 1450–60-м гг. [11; 12]. Возможно, определению примерного количественного состава османской армии в середине XV в. поспособствует сравнение фрагментарных сведений авторов второй половины столетия, а также более поздних источников. Начнем с анализа данных о численном составе отдельных родов войск.

В состав *капыкулу* («государевых рабов», «слуг Порты») входил янычарский корпус из 6 тыс. чел., согласно Промонторио (1475) [10, с. 36] и Лаонику Халкокондилу [13, р. 376] (впрочем, последний добавлял, что иногда их число увеличивалось до 10 тыс.). Лауро Квирини писал о 7 тыс. янычар [4, р. 220; 5, р. 238, 253]. Константин из Островицы определял их численность при дворе султана в 3500–4000 [11, с. 99; 12, с. 129], но при этом не учитывал тех, кто нес службу в провинциальных крепостях. Османский историк XV в. Орудж-бег указывал на участие в осаде Константинополя 10 тыс. янычар [14, с. 86]. Альвизе Сагудино в 1496 г. сообщал о 8 тыс. воинов [15, р. 398], а Иоанн (Ян) Ласкарис, дважды посетивший греческий Восток в 1490–1491 гг., в своем сочинении “*Informatione ad impresa contro a Turchi*” (1508) говорил о 7–10 тыс. воинов [16, р. 46]. Ценную информацию об изменении численности корпуса содержит анонимное греческое описание боевых порядков *капыкулу* (*Ordo Portae*), составленное в период между сражением с Узун Хасаном при Отлукбели в 1473 г. и смертью Мехмеда II в 1481 г.: «эмир, его отец, по имени Мурад-бей [Мурад II] имел при своем дворе [досл. «Порте»] три тысячи янычар. Его сын Мехмед довел их число до пяти тысяч, а во дни войны с Узун Хасаном – до десяти, но после этого он потерял две тысячи из них, так что у него остается только восемь» [17, р. 6]. Хотя в течение второй половины XV в. численность янычарского войска изменялась в зависимости от обстоятельств, кажется, что в 1450–60-е гг. она обыкновенно не превышала 6–7 тыс. чел.

Возможно, что увеличение корпуса в военное время происходило за счет включения в его состав *аджеми огланов* (*acemi oğlanlar*), молодых рекрутов, проходивших военную подготовку до зачисления в янычары или на службу во дворец. Константин из Островицы говорил о

2000 мальчиков, набираемых путем принудительного набора, *девширме*, у покоренных народов. Промонторио писал о ежегодной отправке в Турцию 2500 мальчиков, где в течение шести лет они воспитывались под надзором суровых учителей. Из них 1500 каждый год отбирались в число янычар. К «слугам Порты» относились артиллеристы-*топчу* – 650 чел. (*zerbottaneri* или *bombardieri* у Промонторио). Тот же автор сообщает, что корпус *солаков* (*solaklar*), элитной охраны султана, насчитывал 250 человек, тогда как Константин из Островицы говорит о 60.

По сведениям Промонторио (альтернативные данные Константина из Островицы приводятся рядом в скобках), кавалерия капыкулу состояла из 1000 (или 600) конных татар (*ğarip yigitler*); 700 (или 600) всадников-улюфеджи (*ulufeciler*); 500 (или 300) *силахдаров* (*silahdarlar*), почетной обязанностью которых было вести под султаном коня, и 800 (или 300) придворных *сипахов* благородного происхождения (итал. *tutti nobili turchi*), воспитанных при дворе (это был наивысший разряд всадников).

В число кавалерийских частей капыкулу входили также 500 (или 600) привратников (*Kapıcılar*), охранявших сераль, которые в случае войны выступали в конном строю; 800 (или 200) конюхов; 150 (или 80) стольников (*Çaşıngîrlər*) из числа способных и образованных дворян. В их подчинении, согласно Промонторио, было 300 человек для нужд двора – все они выступали на войну верхом, в доспехах и с полным вооружением. Кроме того, он сообщает о 150 поварах (*cochi* = *aşçılar*), сопровождавших султана с одним мечом и на конях (*tutti a cavallo con la spada seza altro*), а также о 150 конных воинах *чавушах* (*çavuşlar*). Последние были людьми знатного происхождения и получали от султана доспехи. В их обязанности входило поддержание связи между командованием и подразделениями. Им подчинялись 250 легковооруженных всадников-ординарцев. Константин из Островицы упоминает 50 *ич-огланов*, дворцовых слуг, и 320 конных оружейников, шатёрщиков, верблюжатников, поваров и трубачей [10, s. 31–36; 11, с. 99–101; 12, s. 130–135].

Общую численность воинов при дворе султана Константин из Островицы определял примерно в 6 тыс. человек: из них 3500 пеших янычар (включая солаков) и 2450 всадников (татар, привратников, улюфеджи, силахдаров, сипахов и, вероятно, ич-огланов). Но если добавить к их числу прочих упомянутых им слуг (конюхов, стольников, оружейников и др.) и учесть сделанную им ранее ремарку о 4 тыс. янычар, то численность капыкулу, способных носить ору-

жие, возрастет уже до 7 тыс. чел. Следует принять во внимание, что Константин из Островицы говорил именно о дворе султана, тогда как многие подразделения несли службу в провинциях.

Информация Константина из Островицы о числе придворной кавалерии согласуется со сведениями Ласкариса, который сообщал о 3 тыс. конных рабов Порты (вместе с их слугами – 5 тыс.). Суммарно янычарский корпус вместе с кавалерией капыкулу, согласно Ласкарису, насчитывал 12–15 тыс. на конец XV – начало XVI в. [4, р. 46]. Сагудино говорил о 8 тыс. янычар и 8 тыс. кавалеристов.

Лауро Квирины – ближайший по времени, но не очень надежный источник [18] – приводил такие данные по численности капыкулу: 7000 янычар; 300 или 365 татар-*garipides* (намного меньше, чем у Промонторио и Константина из Островицы; возможно, увеличение числа *ğarip yigitler* произошло вследствие турецкого завоевания южного Крыма); 800 улюфеджи; 600 силахдаров; 150 или 160 воинов-*mazulid'ov* [4, р. 220; 5, р. 238–239, 253]. Согласно Промонторио, двор султана в походе в общей сложности достигал 12800 воинов [10, s. 48].

Ordo Portae сообщает такие цифры: 600 сипахов-огланов, 600 силахдаров, 700 улюфеджи, 400 татар, 80 чавушей – все кавалеристы, 80 привратников из числа янычар и 80 пехотинцев-солаков – всего 2540 чел., из которых 2380 всадников (примерно такое же число конных воинов называет Константин из Островицы). Общее число капыкулу с учетом янычарского корпуса, по данным *Ordo Portae*, составляло от 7540 до 12540 [17, s. 6].

Таким образом, численность «слуг Порты» в 1450–60-е годы, с известной долей осторожности, можно определить в диапазоне между 9000 и 14000.

В отличие от Квирины и Константина из Островицы сведения Промонторио о провинциальной кавалерии, состоящей в основном из тимариотов (*timarli sipahi*), более подробны и надежны [10, s. 49–54]. В Румелии он насчитал 21100 всадников, из которых 1200 выставял Константинополь, 900 – Боснийское королевство, 600 – «другая Босния» (ранее владения герцога Степана Вукчича), 1300 – Морея. На момент осады византийской столицы в 1453 г. эти территории не входили в состав Османской империи и не посылали султану тимариотов. «Лазарева Сербия» и «другая Сербия» (бывшие владения Георгия Бранковича) содержали 900 и 1000 всадников соответственно. В 1453 г. сербский деспотат был в вассальной зависимости от турок. По приказу султана Георгий Бранкович послал к Константинополю 1500 конных вои-

нов, а также мастеров горного дела [11, с. 70; 12, с. 72]. Албания Скандербега (бывшие владения Георгия Кастриоти) и арианитская Албания (земли его тестя Георгия Арианити) выставляли 800 и 1000 всадников соответственно, однако в 1440–60-е гг. контроль турок над значительной частью территории страны был невозможен из-за восстания под руководством Скандербега. Арта, Ламия и Афины совокупно давали 1200 кавалеристов, но здесь следует учесть, что Афинское герцогство было ликвидировано османами лишь в 1458 г. Сербия была окончательно покорена в 1459 г., Морья – в 1460 г., Босния – в 1463 г.

Османский историк Идрис Бидлиси (ум. 1520) оценивал численность войска анатолийских тимариотов вместе со снаряженными ими воинами (джебелю) в 20 тыс. чел., а румелийских – примерно в 24 тыс. чел. в 1473 г. [19]. В отчете Сагудино есть упоминание о том, что под началом 28 санджак-беев в Греции и 34 в Анатолии было 32 тыс. воинов, которые не получали иной оплаты за службу, кроме десятины. Общую численность кавалерии султана (вместе с акынджи) он определял в 40–50 тыс. [15, р. 398, 399].

В реестре вилайета Румели от 11 ноября 1533 г. содержатся данные распределения сипахов и заимов по санджакам и по доходности имений – всего 11587 ленов [20, с. 301; 21]. В санджак Паши (Paşa Sancağı), где насчитывалось 2124 имения, входили Эдирне и Дидимотихон, Скопье, Монастырь (Битола), Салоники; Енидже-и-Вардар (Яница), София и другие центры. По сведениям Промонторио, беи Эдирне и Софии выставляли по 1300 всадников, Вардара – 1500, Скопье – 1600, Монастыря – 1000: всего 6700 чел. Охрид, который, согласно реестру, имел 413 ленных имений, Промонторио относил к Монастырю. На основании сравнения этих данных получается, что на одно имение в обозначенных округах приходилось примерно 2,6 чел., то есть в среднем, помимо самого сипаха, оно содержало ещё одного-двух воинов ополчения (джебелю и гуляма). Соотнесение информации из двух источников, отделенных друг от друга более чем полувековой историей, вызывает очевидные сомнения. Впрочем, полученный результат вполне коррелирует с расчетами Пала Фодора по Тирхале на 1454–1455 гг. В реестре санджака было зарегистрировано 192 тимара (159 обычных и 33 гарнизонных). Обычные тимары обеспечивали 175 сипахов и 213 вассалов, т.е. всего 388 чел. или в среднем 2,44 чел. в год с одного тимара в случае войны [22, р. 202]. Если рассматривать только те санджаки, которые принадлежали османам в середине XV в., то численность провинциальной

кавалерии Румелии могла достигать 16 тыс.

Анатолийские провинции, согласно Промонторио, содержали 25400 всадников, из которых 2550 приходилось на Кастамону, 1650 – на Аланию. Во время осады Константинополя бейлик Аланья сохранял независимость от османов, а бейлик Кастамону (Джандарогуллары) признавал сюзеренитет Мехмеда II (его правитель Измаил-бей был в войске султана и предлагал грекам сдать столицу) [23, р. 184–186]. Без учета этих территорий на анатолийские провинции приходилось 21200 всадников [10, с. 56–60].

Согласно бюджетной сводке Османской империи за 1527–1528 гг., в начале правления Сулеймана I Великолепного в Румелии значилось 10688 владельцев хассов, зеаметов и тимаров, в Малой Азии и Сирии – 17400 (из них в Анадоле – 7536, Карамане, Руме и Дулкандире – 6518, Дамаске и Алеппо – 2275, Диярбакыре – 1071). Итого 28088 чел. [20, с. 255]. Их доходы позволяли выставять от 22 до 23 тыс. вооруженных вассалов, то есть суммарно около 50 тыс. всадников [24, р. 257; 25, р. 161–162]. Для Анадола с учетом общей доходности и количества владений число сипахов и джебелю, не считая молодых слуг (гулямов), составило бы примерно 11–15 тыс. (если исходить из 1,5–2 воинов на небольшой анатолийский тимар) [22, р. 201; 26, р. 39, not. 10]. Из указанных здесь азиатских владений в 1450–60-е гг. XV в. османы контролировали Рум и большую часть Анадола, возможности которых могли обеспечивать до 20–22 тыс. кавалеристов. При этом не все сипахи призывались на службу в случае войны (в анатолийских санджаках это 18200 чел., согласно Промонторио).

Исходя из этого можно заключить, что общая численность провинциальной конницы в середине XV в., вероятно, не превышала 38 тыс. всадников. При этом, если верить Промонторио, в случае крупной кампании османы могли мобилизовать 39300 провинциальных кавалеристов (из 46500) в начале 1470-х гг. На середину века это число составило бы примерно 30 тыс. сипахов вместе с вооруженными слугами [27, р. 185–186].

Иррегулярные легкие пехотинцы *азаны* привлекались для дополнительного усиления армии на время военных кампаний. По подсчетам Промонторио, их было около 6 тыс. в Румелии и столько же в Анатолии [10, с. 55, 61]. Оруджбег писал об участии 10 тыс. румелийских азапов (и 10 тыс. анатолийских *яя*) в битве на Косовом поле в 1389 г., 10 тыс. (из Румелии и Анатолии) в кампании Баязида I против Тамерлана, 20 тыс. (из Румелии и Анатолии) во время вторжения Мурада II в Венгрию в 1438 г., 10 тыс. в битвах при Варне в 1444 г. и на Косо-

вом поле в 1448 г., 20 тыс. при осаде Константинополя в 1453 г. (по 10 тыс. из Румелии и Анатолии), 12 тыс. при завоевании Эвбеи в 1470 г., 10 тыс. (из Румелии и Анатолии) в кампании против Узун Хасана в 1473 г. и 10 тыс. против мамлюков в 1486 г. [14, с. 41, 51, 70, 76, 79, 86, 96, 97, 104]. Создается впечатление, что свидетельства Орудж-бега об их численности скорее относились ко времени султана Баязида II, когда и создавался его труд, и являлись примерной оценкой мобилизационного потенциала империи в крупных (10 тыс.) и особо крупных кампаниях (20 тыс.). Константин из Островицы писал о 20 тыс. азапов из Анатолии и 20 тыс. из Румелии, завысив их число по меньшей мере в два раза. На основании сведений Промонторио, которые заслуживают большего доверия, мы полагаем, что подразделения азапов, набранных султаном для кампании 1453 г., вряд ли превышали 10–12 тыс. чел. в сухопутных войсках. При этом, согласно летописцу Мехмеда II Турсун-беку, сильнейшие из азапов составляли экипажи кораблей, направленные к Константинополю [1, р. 314].

Легкая кавалерия *акынджи*, по Промонторио, насчитывала 8 тыс. воинов в Анатолии и столько же в Греции. Из них 4 тыс. охраняли границы, а остальные усиливали войска в случае войны [10, с. 54–55, 60–61]. С этими числами согласуются данные Сагудино о 15 тыс. (и выше) *coradori*, служащих бесплатно и кормящихся грабежом [15, р. 398].

В случае всеобщего призыва к оружию (*nefir-i âmm*) в армию набирали *сарахоров* (в основном из числа турок, реже – христиан), большей частью легковооруженных всадников. Каждые четыре или пять домохозяйств/налогоплательщиков снабжали воина необходимыми продуктами [28]. Орудж-бег писал о 10 тыс. сарахоров (кафиров) в битве при Варне, а также об их участии (без указания численности) в походе против Узун Хасана [14, с. 76, 97]. Халкокондил упомянул, что в конце 1446 г. сарахоры в составе войск Мурада II штурмовали византийские укрепления Истмийского перешейка (Гексамилон) [23, р. 108]. Возможно, они также были набраны для осады Константинополя 1453 г., хотя Орудж-бег ничего не говорит о них при описании события.

Во времена Мехмеда II пехотинцы-яя превратились во вспомогательные силы, выполнявшие служебные задачи и занимавшиеся тыловым обеспечением. Турсун-бек писал, что яя использовались для перевозки пушек к Константинополю [29, р. 34; 1, р. 313]. Согласно его младшему современнику Нешри, артиллерию под Константинополем обслуживали яя, мюсел-

лемы, азапы и сипахи [30, с. 691]. В ходе кампании против Белграда 1456 г. яя опять же занимались доставкой пушек из Скопье [29, р. 38]. Схожая судьба была у конного ополчения *мюселемов*, которое было занято в тыловых и обозных службах, а также ремонте коммуникаций (мостов и дорог) [31; 25, р. 171–173].

Гарнизоны крепостей состояли из разных контингентов, в которые могли входить янычары и аджеми огланы, гарнизонные сипахи, азапы, балканские христиане *марталосы* и *войнуки*, которых Константин из Островицы насчитал несколько сотен [11, с. 109–110; 12, с. 152–153], часто местные элементы полувоенного и крестьянского происхождения [22, р. 210–211].

На основании вышеизложенного максимальную общую численность османских войск применительно к середине XV в. можно определить в диапазоне между 80 и 90 тыс. чел. (считая крепостные гарнизоны, азапов, акынджи и набираемых в чрезвычайных ситуациях сарахоров). Разумеется, даже во время крупных военных кампаний в действующие армии призывалась лишь часть вооруженных сил, так как воинские контингенты должны были нести крепостную и городскую службу, а также предупреждать возможные угрозы на других направлениях.

Как данный вывод соотносится с гипотезами других исследователей? Фр. Бабингер осторожно замечал, что на момент падения Константинополя любая оценка численности османской армии, превышающая 80 тыс., скорее всего, включала бы участников иррегулярных войск, которые присоединялись к султану в случае религиозной войны [32, с. 91]. С. Рансимен полагал, что военный потенциал османов в это время составлял около 80 тыс. чел. регулярных воинских сил, 20 тыс. башибузуков (вероятно, на основании данных Орудж-бега об азапах) и несколько тысяч нонкомбатантов, сопровождавших армию [33, р. 76]. Х. Иналджик говорил о не менее чем 50 тыс. чел. регулярных войск [34, р. 23]. Дж. Джефферсон оценивал максимальный размер османского войска в случае всеобщего призыва в 64 тыс. чел. (включая иррегулярные силы) ко времени битвы при Варне 1444 г. [27, р. 198]. Напомним в связи с последним, что в армии Мурада II, осаждавшей в 1446 г. Гексамилон, согласно двум византийским малым хроникам (№ 33 и № 47), было опять-таки 50 или 60 тыс. чел. [35, с. 252, 346; 36, с. 159]. Но эти числа, скорее всего, характеризовали не реальную численность сражавшегося войска, а «мобилизационные возможности» османов.

По нашему мнению, сухопутные силы османов, собранные под Константинополем весной 1453 г., не превышали 60–70 тыс. чел. В это число входили вассальные отряды Георгия

Бранковича (1500 воинов) и Измаил-бея (по косвенным данным можно предполагать до 2 тыс.) [5, p. 252; 10, s. 60]. Во время осады Константинополя какая-то часть османских войск, по-видимому, оставалась у границ Пелопоннеса, блокируя силы братьев императора Константина XI. Ещё в октябре 1452 г. Турахан-бей был направлен в поход на морейских деспотов, чтобы связывать их войной в течение всей зимы [23, p. 170; 37, p. 235–236]. Военские контингенты должны были прикрывать и Анатолию, несмотря на замирение с караманским беєм. Кроме того, Скандербег продолжал действовать против турок, нанеся им чувствительное поражение на Положской равнине [38, p. 90–93].

Надо заметить, что в обслуживании и снабжении развернутой под Константинополем армии было задействовано множество людей, повозок, вьючных и упряжных животных, что создавало впечатление несметных полчищ. Приводимые греческими и латинскими авторами сведения о колоссальной численности османов были далеки от реальности и, скорее, должны трактоваться в качестве литературных гипербола. Библийские тексты содержат много подобных примеров, известных христианским авторам. Так, войско Ровоама исчислялось 180 тыс. воинов (3Цар. 12:21; 2Пар. 11:1). Аса имел 300 тыс. из колена Иудина и 280 тыс. из колена Вениаминова, а его враг Зарай Ефиоплянин – тысячу тысяч (2Пар. 14:8–9). Авиа вывел 400 тыс. чел. против 800 тыс. у Иеровоама и, победив, умертвил 500 тыс. израильтян (2Пар. 13:3,17).

Отдельные наблюдатели, впрочем, делали более взвешенные выводы относительно численности османских войск – даже после того, как османы упрочили свое господство в Румелии и Анатолии. Промонторио писал о 76 тыс. воинов, а Сагудино спустя ещё двадцать лет говорил о 63 тыс. капыкулу, тимариотов и акынджи, добавляя, однако, что при необходимости турки могли набрать до ста тысяч человек сверх тех, которых он насчитал (как видно, Сагудино имел весьма неясные представления о численности этих полувоенных формирований, состоящих из непрофессиональных солдат – азапов, юрюков, мюселлемов, войнуков и др.). Таким образом, поборник крестового похода Виссарион Никейский, по всей видимости, озвучил на соборе в Мантуе (1459 г.) наиболее близкие к действительности сведения о размере османской армии.

Список литературы

1. La caduta di Constantinopoli / Testi e cura di A. Pertusi. Milano: Mondadori, 1976. Vol. 1: Le testimonianze dei contemporanei.

2. Медведев И.П. Падение Константинополя в греко-итальянской гуманистической публицистике XV в. // Византия между Западом и Востоком / Под ред. Г.Г. Литаврина. СПб.: Алетейя, 1999. С. 293–332.

3. Iorga N. Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades au XVe siècle. 3 vols. Paris: E. Leroux, 1902. T. III.

4. Iorga N. Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades. Bucarest: Édition de l'Académie roumaine, 1915. Vol. IV.

5. Pertusi A. Le epistole storiche di Lauro Quirini sulla caduta di Costantinopoli e la potenza dei Turchi // Lauro Quirini Umanista. Studi e testi / a cura di K. Krautter, P. O. Kristeller, A. Pertusi, G. Ravegnani, H. Roob, C. Seno. Firenze: Olschki, 1977. P. 163–259.

6. La caduta di Constantinopoli / Testi e cura di A. Pertusi. Milano: Mondadori, 1976. Vol. 2: L'eco nel mondo.

7. Collected Orations of Pope Pius II / Ed. and transl. M. von Cotta-Schönberg. Vol. 5: Orations 21–25 (1453–1455). 3rd version. Scholars' Press, 2019. 429 p.

8. Collected Orations of Pope Pius II / Ed. and transl. M. von Cotta-Schönberg. Vol. 8: Orations 43–51 (1459–1459). 3rd version. Scholars' Press, 2019. 444 p.

9. Медведев И.П., Гаврилов А.К. Речь Виссариона Никейского на Мантуанском Соборе о падении Константинополя // Византийский временник. 2004. Т. 63 (88). С. 292–317.

10. Babinger F. Die Aufzeichnungen des Genuesen Iacopo de Promontorio – de Campis über den Osmanenstaat um 1475 [Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse]. Munich: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1957. 95 s.

11. Записки янычара. Написаны Константином Михайловичем из Островицы / Введ., пер., комм. А.И. Рогова. М.: Наука, 1978. 136 с.

12. Pamietniki Janczara czyli Kronika turecka Konstantego z Ostrowicy napisana migdzy r. 1496 a 1501. Wydal Jan Los. Krakow: Akademia Umiejetnosci, 1912. XL + 404 s.

13. Laonikos Chalkokondyles. The Histories / Greek text and Engl. transl. by A. Kaldellis. Cambridge, L.: Harvard University Press, 2014. Vol. I.

14. Üç Osmanlı Tarihi – Oruç Beğ Tarihi, Ahmedi: Dastan ve Tevarih-i Müluk-i Al-i Osman, Şükrullah: Behçetü't Tevarih. Hazırlayan: [Hüseyin Nihal] Atsız. İstanbul: Ötüken Neşriyatı, 2011. 239 s.

15. Marino Sanuto. I Diarii (1496–1533). Venezia: M. Visentini, 1879. T. I.

16. Iorga N. Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades. Bucarest: Édition de l'Académie roumaine, 1916. Vol. VI.

17. Ordo portae: description grecque de la porte et de l'armée du Sultan Mehmed II / Ed., trad. et commentée par Ş. Baştav. Budapest: Pázmány Péter Tudományegyetemi Görög Filológiai Intézet, 1947. 45 p.

18. Zachariadou E.A. Lauro Quirini and the Turkish Sandjaks (ca. 1430) // *Eadem*. Studies in pre-Ottoman Turkey and the Ottomans. Aldershot: Ashgate, 2007. Pt. XV. P. 1–16.

19. İnalçık H. Timar // Diyanet İslâm Ansiklopedisi. 2012. C. 41. S. 168–173.

20. Barkan Ö.L. H. 933–934 (M. 1527–1528) mali yılina ait bir bütçe örneği // İstanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Mecmuası. 1954. C. 15 (1–4). S. 251–329.

21. Kılıç O. 1533 Tarihli İcmâl Defterine Göre Rumeli Vilayeti'nde Zaimler ve Sipahiler // *Journal of International Eastern European Studies / Uluslararası Doğu Avrupa Araştırmaları Dergisi*. 2019. C. 1 (1). S. 73–125.
22. Fodor P. Ottoman warfare, 1300–1453 // *The Cambridge History of Turkey* / Ed. F. Fleet. Cambridge: Univ. Press, 2009. Vol. I. P. 192–226.
23. Laonikos Chalkokondyles. *The Histories* / Greek text and Engl. transl. by A. Kaldellis. Cambridge, L.: Harvard University Press, 2014. Vol. II.
24. Imber C. *The Ottoman Empire, 1300–1650: The Structure of Power*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002. XIV + 405 p.
25. Káldy-Nagy G. The first centuries of the Ottoman military organization // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1977. Vol. 31. № 2. P. 147–183.
26. Murphey R. *Ottoman warfare, 1500–1700*. London: UCL Press, 2001. XII + 278 p.
27. Jefferson J. *The Holy Wars of King Wladislas and Sultan Murad: The Ottoman-Christian Conflict from 1438–1444*. Leiden-Boston, 2012. XIII + 514 p.
28. Fodor P. The Way of a Seljuq Institution to Hungary: The Cerehör // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1984. Vol. 38 (3). P. 367–399.
29. Tursun Beg. *The history of Mehmed the Conqueror* / Tr. H. Inalcik and Rh. Murphey. Minneapolis: Bibliotheca Islamica, 1978. 263 s.
30. Neşri Mehmed. *Kitâb-ı Cihan-Nümâ: Neşri Tarihi: II. Cilt. Hazırlayanlar: Faik Reşit Unat, Mehmed A. Köymen*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1957.
31. Жуков К.А. Ополчения «яя ве мюселлем» в Османской военной организации (XIV–XVI вв.) // *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XXII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР*. 1988 г. Ч. 1. М.: Наука, ГРБЛ, 1989. С. 110–117.
32. Babinger F. *Mehmed der Eroberer und seine Zeit. eltenstürmer einer Zeitenwende*. München: F. Bruckmann, 1953. 592 s.
33. Runciman S. *The Fall of Constantinople, 1453*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1965. XIV + 256 p.
34. İnalcık H. *The Ottoman Empire: The Classical Age, 1300–1600*. New York: Praeger Publishers, 1973. XII + 257 p.
35. Schreiner P. *Die Byzantinischen Kleinchroniken*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1975. T. I.
36. Рязанов П.А. Гексамилион и проблема защиты Пелопоннеса от турок в византийской политике конца XIV – первой половины XV в. // *Средние века*. 2022. Вып. 83 (1). С. 137–163.
37. Bekker I. *Georgius Phrantzes, Ioannes Cananus, Ioannes Anagnostes*. Bonnae: Weber, 1838. 564 p.
38. Barleti M. *Historia de vita et gestis Scanderbegi Epirotarum principis*. Romae: Per B.V., 1508. 160 p.

ON THE ISSUE OF THE OTTOMAN ARMY SIZE IN THE 1450s

P.A. Riazanov

The issue of the Ottoman troops size at the beginning of the Mehmed II reign is not solved by historians. The lack of reliable information and significant discrepancies between sources lead to the fact that the size of the Ottoman army is approximately determined. The victories of Turkish weapons strengthened the contemporaries' opinion that the Sultan's army numbered hundreds of thousands of soldiers. It is significant that even pope Pius II, who was interested in collective resistance to the Ottomans, talked about frightening figures of 200.000 or more. In order to convince the sovereigns of Europe to support the crusade, he had to focus on qualitative, rather not quantitative superiority of the united Christian forces over the Turks. In this work, the author gives an approximate assessment of the military potential of the army of Mehmed II in the middle of the 15th century. In his opinion, the figure closest to reality was given by Cardinal Bessarion at the Council of Mantua in 1459, determining the size of the enemy's armed forces at 80.000 men, and taking into account auxiliary formations – no more than 100.000.

Keywords: The Fall of Constantinople in 1453, Ottoman Military Power, Crusade, Mehmed II, Cardinal Bessarion, pope Pius II, Promontorio, Konstantin Mihailović, Kapıkulu, Janissaries, Sipahi, Akıncı, Azaps.

References

1. La caduta di Constantinopoli / Testi e cura di A. Pertusi. Milano: Mondadori, 1976. Vol. 1: Le testimonianze dei contemporanei.
2. Medvedev I.P. The Fall of Constantinople in the Greek-Italian humanistic journalism of the XV century // *Byzantium between the West and the East* / Ed. G.G. Litavrin. St. Petersburg: Aleteya, 1999. P. 293–332.
3. Iorga N. *Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades au XVe siècle*. 3 vols. Paris: E. Leroux, 1902. T. III.
4. Iorga N. *Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades*. Bucarest: Édition de l'Académie roumaine, 1915. Vol. IV.
5. Pertusi A. *Le epistole storiche di Lauro Quirini sulla caduta di Costantinopoli e la potenza dei Turchi* // *Lauro Quirini Umanista. Studi e testi / a cura di K. Krautter, P. O. Kristeller, A. Pertusi, G. Ravegnani, H. Roob, C. Seno*. Firenze: Olschki, 1977. P. 163–259.
6. La caduta di Constantinopoli / Testi e cura di A. Pertusi. Milano: Mondadori, 1976. Vol. 2: L'eco nel mondo.
7. *Collected Orations of Pope Pius II* / Ed. and transl. M. von Cotta-Schönberg. Vol. 5: Orations 21–25 (1453–1455). 3rd version. Scholars' Press, 2019. 429 p.
8. *Collected Orations of Pope Pius II* / Ed. and transl. M. von Cotta-Schönberg. Vol. 8: Orations 43–51 (1459–1459). 3rd version. Scholars' Press, 2019. 444 p.
9. Medvedev I.P., Gavrilov A.K. The speech of Visarion of Nicaea at the Mantuan Cathedral on the fall of Constantinople // *Byzantine Times*. 2004. Vol. 63 (88). P. 292–317.
10. Babinger F. *Die Aufzeichnungen des Genuesen Iacopo de Promontorio – de Campis über den Osmanenstaat um 1475* [Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse]. Munich: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1957. 95 s.

11. Notes of the Janissary. Written by Konstantin Mikhailovich from Ostrovitsa / Introduction, tr., comm. A.I. Rogov. M.: Science, 1978. 136 p.
12. Pamietniki Janczara czyli Kronika turecka Konstantego z Ostrowicy napisana migdzy r. 1496 a 1501. Wydal Jan Los. Krakow: Akademia Umiejetnosci, 1912. XL + 404 s.
13. Laonikos Chalkokondyles. The Histories / Greek text and Engl. transl. by A. Kaldellis. Cambridge, L.: Harvard University Press, 2014. Vol. I.
14. Üç Osmanlı Tarihi – Oruç Beğ Tarihi, Ahmedi: Dastan ve Tevarih-i Müluk-i Al-i Osman, Şükrullah: Behçetü't Tevarih. Hazırlayan: [Hüseyin Nihal] Atsız. İstanbul: Ötüken Neşriyat, 2011. 239 s.
15. Marino Sanuto. I Diarii (1496–1533). Venezia: M. Visentini, 1879. T. I.
16. Iorga N. Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades. Bucarest: Édition de l'Académie roumaine, 1916. Vol. VI.
17. Ordo portae: description grecque de la porte et de l'armée du Sultan Mehmed II / Ed., trad. et commentée par Ş. Baştav. Budapest: Pázmány Péter Tudományegyetemi Görög Filológiai Intézet, 1947. 45 p.
18. Zachariadou E.A. Lauro Quirini and the Turkish Sandjaks (ca. 1430) // *Eadem. Studies in pre-Ottoman Turkey and the Ottomans*. Aldershot: Ashgate, 2007. Pt. XV. P. 1–16.
19. İnalçık H. Timar // *Diyanet İslâm Ansiklopedisi*. 2012. C. 41. S. 168–173.
20. Barkan Ö.L. H. 933–934 (M. 1527–1528) mali yilina ait bir bütçe örneği // *İstanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Mecmuası*. 1954. C. 15 (1–4). S. 251–329.
21. Kılıç O. 1533 Tarihli İcmâl Defterine Göre Rumeli Vilayeti'nde Zaimler ve Sipahiler // *Journal of International Eastern European Studies / Uluslararası Doğu Avrupa Araştırmaları Dergisi*. 2019. C. 1 (1). S. 73–125.
22. Fodor P. Ottoman warfare, 1300–1453 // *The Cambridge History of Turkey* / Ed. F. Fleet. Cambridge: Univ. Press, 2009. Vol. I. P. 192–226.
23. Laonikos Chalkokondyles. The Histories / Greek text and Engl. transl. by A. Kaldellis. Cambridge, L.: Harvard University Press, 2014. Vol. II.
24. Imber C. The Ottoman Empire, 1300–1650: The Structure of Power. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002. XIV + 405 p.
25. Káldy-Nagy G. The first centuries of the Ottoman military organization // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1977. Vol. 31. № 2. P. 147–183.
26. Murphey R. Ottoman warfare, 1500–1700. London: UCL Press, 2001. XII + 278 p.
27. Jefferson J. The Holy Wars of King Wladislas and Sultan Murad: The Ottoman-Christian Conflict from 1438–1444. Leiden-Boston, 2012. XIII + 514 p.
28. Fodor P. The Way of a Seljuq Institution to Hungary: The Cerehör // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1984. Vol. 38 (3). P. 367–399.
29. Tursun Beg. The history of Mehmed the Conqueror / Tr. H. Inalcik and Rh. Murphey. Minneapolis: Bibliotheca Islamica, 1978. 263 s.
30. Neşrî Mehmed. Kitâb-ı Cihan-Nümâ: Neşrî Tarihi: II. Cilt. Hazırlayanlar: Faik Reşit Unat, Mehmed A. Köymen. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1957.
31. Zhukov K.A. Militia «yaya ve musellem» in the Ottoman military organization (XIV–XVI centuries) // *Written monuments and problems of the history of culture of the peoples of the East. XXII annual scientific session of the Leningrad Branch of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR*. 1988. Part 1. M.: Science, GRVL, 1989. P. 110–117.
32. Babinger F. Mehmed der Eroberer und seine Zeit. eltenstürmer einer Zeitenwende. München: F. Bruckmann, 1953. 592 s.
33. Runciman S. The Fall of Constantinople, 1453. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1965. XIV + 256 p.
34. İnalçık H. The Ottoman Empire: The Classical Age, 1300–1600. New York: Praeger Publishers, 1973. XII + 257 p.
35. Schreiner P. Die Byzantinischen Kleinchroniken. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1975. T. I.
36. Ryazanov P.A. Hexamilion and the problem of protecting the Peloponnese from the Turks in Byzantine politics of the late XIV - first half of the XV century // *The Middle Ages*. 2022. Issue 83 (1). P. 137–163.
37. Bekker I. Georgius Phrantzes, Ioannes Cananus, Ioannes Anagnostes. Bonnae: Weber, 1838. 564 p.
38. Barleti M. Historia de vita et gestis Scanderbegi Epirotarum principis. Romae: Per B.V., 1508. 160 p.